Благодаря государственной программе «Культурное наследие» Институт востоковедения МОН РК имени Р. Сулейменова провел археографические экспедиции в Китай, Турцию, Монголию, Россию, Францию, откуда были привезены богатейшие материалы, на основе которых, по словам директора института Меруерт Абусеитовой, нашу историю можно реконструировать по-новому.

— А теперь я расскажу еще одну историю...

Прошлым летом в Первом китайском архиве, в частности, обнаружены уникальные документы — официальная дипломатическая переписка казахских ханов и султанов с

китайскими правителями, представленная более чем тремя тысячами писем на китайском, маньчжурском, чагатайском, ойратском языках.

— В то время, когда я начинала, востоковедение в Казахстане еще не получило должного развития, — рассказывает М. Абусеитова. — Читая в школе историю Казахстана и натыкаясь на трафарет «казахи были кочевниками, история их появления до настоящего времени не известна», я стала задаваться вопросом: почему же происхождение моего народа до сих пор остается «белым пятном»? Появилось огромное желание узнать о своих истоках, и я решила поступать на исторический факультет. Тем более что в нашей семье часто шли дискуссии относительно истории Казахстана и происхождения казахского народа. Отец, кинорежиссер Куат Абусеитов, очень увлекался историческими романами, мечтал ставить по ним фильмы, но в те времена

сделать это было почти невозможно, потому что, во-первых, в отечественной истории было много непонятного, а во-вторых, в фаворе были фильмы о рабочем классе.

В университете я встретила Вениамина Петровича Юдина — известного казахстанского востоковеда, автора многих монографий, в том числе «Центральная Азия в XIV—XVIII вв. глазами востоковеда», «Чингиз-наме», а также нашумевшей статьи «История Белой орды», где впервые была представлена степная устная историология казахов (ныне она признана не только востоковедами и историками, но и широкой общественностью, а тогда она была громом среди ясного неба).

Мне в те годы посчастливилось прослушать из уст Вениамина Петровича увлекательный и незабываемый спецкурс по восточному источниковедению. Чуть позже он ввел многих из нас в научный студенческий кружок «Востоковед», где мы освоили азы языков фарси и тюрки. Правда, потом из той большой группы остались единицы. Среди них ныне известные далеко за пределами Казахстана ученые Нурбулат Масанов и Тимур Бейсембиев.

Мы очень тесно общались со своим Учителем. Те дискуссии, которые проходили у него дома, навсегда остались в памяти. В общем это была большая школа — научная и жизненная. Юдина не понимали при жизни. То, чем он занимался, в советский период было не нужно. Тогда, как я уже сказала, в фаворе были история партии, рабочего класса, крестьянства, целины, а источниковедение, древняя и средневековая история Казахстана находились в загоне из-за сложности, нежелания поднимать архивы... Хотя я не исключаю и другое: вполне возможно, что была установка — не уходить в глубь истории. Ведь ханы и султаны были классовыми врагами рабочего класса и крестьянства, так зачем же изучать эпоху, в которой они жили? На тех, кто все же занимался этим, смотрели косо. Помню, нас заставляли искать социальное расслоение в казахском обществе. Особенно это касалось тех случаев, когда источники не давали для этого оснований. И нам приходилось писать «в стол», поскольку правда никому не была нужна.

Но жизнь распорядилась по-своему, и сейчас те, кто изучал историю партии, стали заниматься древней и средневековой историей, не имея при этом соответствующей базы, квалификации и опыта. На исследование материалов в виде хроник, повествовательных источников на восточных языках уходят долгие годы. И только после их тщательного изучения можно приступать к описанию частных событий в контексте всемирной истории, поскольку все в нашем мире взаимосвязано.

То, что сейчас появляется много мифологизированных работ, — не случайность. Это, на мой взгляд, во-первых, свидетельство непрофессионального подхода к изучению проблем; во-вторых, недостаток знаний; а в-третьих, подтасовка материалов, произвольная интерпретация

...После окончания университета Меруерт Абусеитова поступила в аспирантуру Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, где работала над темой «Казахское ханство во второй половине XVI века». После возвращения в Алма-Ату в 1979 году пришла в Институт истории, археологии, этнографии в отдел древней и средневековой истории, в том же году защитила кандидатскую диссертацию. А затем в течение 15 лет писала следующую свою работу — «Казахстан и Центральная Азия в XV—XVIII веках: история, политика, дипломатия».

В 97-м защитила докторскую диссертацию, которая в следующем году вышла в виде отдельной и, что немаловажно, мгновенно разошедшейся книги.

— В общем вся моя жизнь посвящена этой проблеме — древней и средневековой истории казахов, — продолжает М. Абусеитова. — В тот период, когда я начинала, сложно было выехать за пределы республики, чтобы поработать в зарубежных рукописных фондах. В Казахстане же собственная источниковедческая база отсутствовала, а для ученого главное — источники, документы, архивы.

Ведь что такое востоковедение? Это комплексная дисциплина, изучающая источниковедение, историю, филологию, политологию, экономику, культуру стран и народов Востока. Говоря о восточном источниковедении, мы должны подходить к исследованию того или иного материала на основе письменных (восточных, западноевропейских и русских), устных, археологических, этнографических источников.

— Если раньше исследователи говорили, что у казахов не было государственности, то у меня уже в те годы были собранные по крупицам материалы, которые свидетельствовали о том, что она у нас была, но в то время критерии государственности должны были обязательно соответствовать западноевропейскому типу, — продолжает она. — Но коль речь идет о том, что каждый исторический факт или явление должны рассматриваться в многообразии, то Казахское ханство имело оригинальную государственность. Более того, согласно тем критериям, которые утверждают, что бюрократический аппарат является обязательным признаком государственности, он у казахов был. Свидетельство этому — наличие армии, законодательства, денежного обращения.

Самым же главным доказательством государственности, а следовательно, и дипломатической практики, является огромная официальная переписка казахских ханов и султанов с правителями соседних государств, которая была обнаружена в прошлом году в Первом историческом архиве КНР. Официальная переписка отражает историю взаимоотношений Казахского ханства и Цинской империи с 1741 по 1828 год. А это более трех тысяч документов на китайском, маньчжурском, ойратском и чагатайском

языках. Среди них — официальные письма казахских ханов и султанов, направленные правителям соседних государств. Например, Богда Ежен-хану, главе Цинской империи, и Тарбагатайскому амбану. Отправители писем — Абылай-хан, Абулмамбет-хан, торе Санияз, Ханхожа, султаны Адил, Вали, Бопы, Когедай и другие. Писем более 115, из них 61 — на чагатайском, 19 — на ойратском, 35 — на маньчжурском языке.

Обнаружены документы, свидетельствующие о дипломатических казахско-китайских, казахско-киргизских, казахско-кокандских, казахско-ойратских отношениях, о послах казахских ханов, приехавших в Пекин к Богда Ежен-хану, о награждении их грамотами; о казахско-китайской торговле; документы о быте и традициях казахов. Ряд официальных писем принадлежат Абылай-хану, они весьма интересны по содержанию, а их тон очень доверителен. Так, в одном послании он просит прислать ему лекарства от простуды и головной боли, в другом — шлет поздравления некоему китайскому сановнику в связи с получением им нового чина. Важно отметить, что, несмотря на огромные расстояния и отсутствие привычных для нашего времени коммуникаций, у Казахского государства и Китая были очень тесные взаимоотношения. Все, что казахские ханы и султаны некогда писали в Китай, там сберегли. Хотелось бы поблагодарить за это китайских архивистов.

Кстати, один из томов будущих изданий китайских источников по государственной программе «Культурное наследие» посвящается историческим памятникам, которые у нас еще не публиковались. К примеру, фрагменты цветных миниатюр под названием «Правитель казахского народа», где изображены казахский посол с супругой, отправленные с целью установления политических и торговых отношений по типу «шелк на коня» («жылкы мен жібек»), связей с Абылай-ханом и Абулфейз-султаном начиная с 1750 года. Согласно дипломатическому протоколу, ханы, султаны и послы приглашались обязательно с супругами. Посол, представлявший вместе с супругой казахское ханство у императора Цзянь Луня, изображен на миниатюре, являющейся фрагментом 15-метровой картины кисти итальянца Джузеппе Кастильони — придворного художника во дворе китайского императора. Он запечатлел на ней всю дипломатическую процедуру, происходившую в 1757—58 годах. На следующем фрагменте изображена прекрасная летняя резиденция императора, где он принимал послов из разных стран — казахов, киргизов, калмыков, англичан. В этой резиденции, в память о степных послах, до сих пор в качестве декорации стоят юрты.

— Когда я в 1997 году писала о дипломатии казахских ханов, меня чуть ли не поднимали на смех, — рассказывает М. Абусеитова. — Дескать, какая могла быть дипломатия у казахов. Сегодня я хочу сказать скептикам: а куда же мы тогда денем такие персоязычные источники, как «Шараф-наме-ий шахи» Хафиз Таныша, «Тарих-и аламара-ий Абасси» Искандара Мунши, где зафиксирован договор о союзе между казахскими ханами и султанами и аштарханидами — узбекскими правителями? Он так и называется — «О дружбе и союзе». В договоре было подчеркнуто, что он подписан при посредничестве суфийских шейхов братства Накшбандийя. Этот факт свидетельствует о том, что любой договор — о союзе или войне — фиксировался в те времена при посредничестве религиозных деятелей. Это тот самый небольшой, но очень важный штрих, на который должны обращать внимание те исламоведы и политологи, которые

занимаются историей распространения ислама в Казахстане и Центральной Азии. Источник же, о котором идет речь, свидетельствует о том, что на нашей южной территории были распространены такие суфийские братства, как Накшбандийя — в честь Баха-ад-Дина Накшбандийя и Яссавия — в честь Ходжи Ахмеда Ясави.

— Но куда же делась наша письменность к началу XIX века?

— Она никуда не делась, она развивалась. Пожалуйста, XIX век: Курбан али-Халиди, известный историк конца XVIII — начала XIX веков. В библиотеке Академии наук Казахстана есть его прекрасный рукописный фонд. Писал он на родном языке, но арабским шрифтом. Его перу, в частности, принадлежит «История города Семипалатинска» и ряд историй, касающихся казахской степи периода XVIII— XIX веков.

— Чем объяснить, что многие письменные источники по нашей истории имеются в архивах других государств, а у нас их нет?

— Я сама неоднократно задавалась этим вопросом: «Как же так? Наши казахские ханы писали правителям других государств, у тех все это сохранилось, но куда же делись ответы, которые они направляли в Казахское ханство?». Нельзя утверждать, что раз казахи вели кочевой образ жизни, то не имели возможности хранить эти письменные свидетельства. Наверняка была большая канцелярия. Другое дело, что документы могли быть либо уничтожены, либо хранятся в Ташкенте, где одно время находилась ставка казахских ханов. Вообще, после того, как мы обнаружили в Китае богатейший материал о Казахском ханстве и о казахах, о нашей истории и культуре, я всегда говорю, что документы, относящиеся к тому или иному периоду нашей истории, пока не обнаружены, но в любой момент могут быть выявлены в других фондах.

— Когда же эти уникальные документы вернутся на родину?

— Согласно государственной программе «Культурное наследие», которая ставит целью дальнейшее исследование и приобретение, а также публикацию редких архивных документов по истории и культуре Казахстана, хранящихся в Первом историческом архиве КНР, в Пекине, по поручению Президента Казахстана подписан договор между этим архивом и Институтом востоковедения о международном проекте «Казахско-китайские отношения в архивных документах XVII—XIX веков», который начинает действовать уже в этом году и продлится до 2008 года. В рамках проекта будет осуществлена публикация трех тысяч архивных документов в факсимиле и переводах на казахский и русский языки. Министерство культуры и информации обещало оплатить этот проект. Таким образом мы возвратим нашему народу его историю. Факсимиле будут изданы в пяти томах по 500 документов в каждом. Кроме этого, благодаря программе «Культурное наследие» у нас выходит двадцать один том «Истории Казахстана в тюркских, китайских, персидских, арабских, монгольских

источниках». В них мы пытаемся показать богатейшую историю нашего народа.

Надо отметить, что работа, которую выполняют историки-востоковеды, — тяжелая, кропотливая. Ведь мы собираем и переводим материал, делая его доступным для других исследователей — историков, философов, социологов, культурологов. И поскольку мы имеем сейчас такой большой фонд первоисточников, в наших планах создание фундаментальной летописи истории казахского народа. Это позволит казахстанцам знать свое прошлое.

Галия ШИМЫРБАЕВА